

Надымский городок в XV–XVI вв. (по результатам полевых исследований 2006–2008 гг.)

О. В. Кардаш¹

Результаты комплексных исследований культурного слоя Надымского городка (рис. 1), относящегося к периоду конца XVI–первой трети XVIII вв. (раскопки 1998–2005 гг.), неоднократно освещались в докладах на научных конференци-

2002; 2003; 2004; 2005; 2006; 2008а, б; 2009; *Вершинин*, 2005; *Косинцев*, 2006). Однако археологические материалы, связанные с периодом конца XV–конца XVI в., пока еще не вводились в широкий научный оборот.

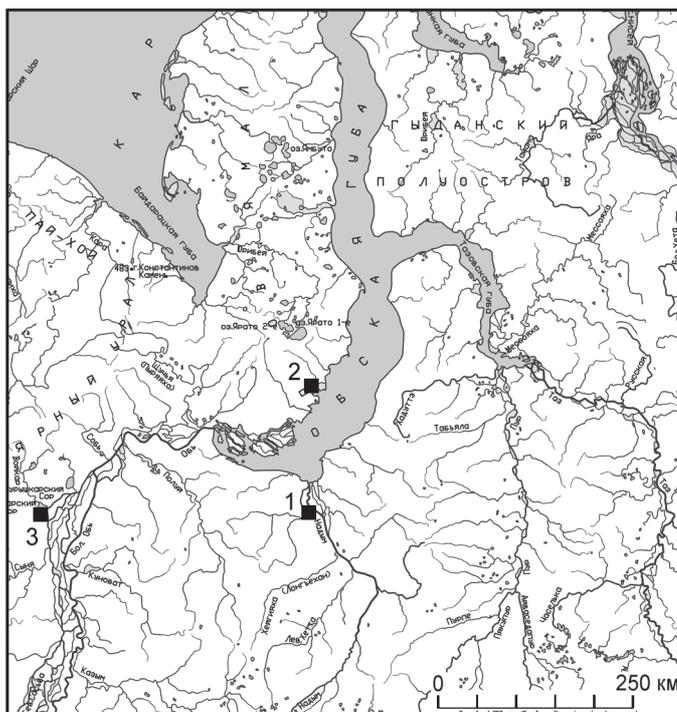


Рис. 1. Карта-схема расположения Надымского городка на территории Северо-Западной Сибири: 1 — Надымский зимний городок XV–XVI вв.; 2 — городище Бухта Находка XIII–XIV вв.; 3 — Войкарский городок XIII–XIV вв.

Fig. 1. Schematic map of the location of Nadymsky Gorodok in North-Western Siberia: 1 — Nadym winter fortress in the 15th and 16th cens.; 2 — the townsite of Bay Nakhodka of the 13th–14th cens.; 3 — Voykarsky Gorodok 13th–14th cens.

ях, представлены в серии статей, диссертационной работе и монографии (*Кардаш*, 2000; 2001а, б;

В процессе археологических исследований 2006–2007 гг. слоев раннего периода на отдельных участках памятника еще продолжались исследования отложений конца XVI–первой трети XVIII вв. В 2008 г. при исследовании городка выявлены археологические комплексы, позволяющие сделать ряд определенных исторических заключений.

¹ Россия, 628300, Тюменская обл., Ханты-Мансийский АО, Югра, Нефтеюганск, ул. Мира. Пионерная зона. Стр. 8/1.

В задачи работ 2006–2008 гг. входило проведение раскопок оборонительно-жилого комплекса конца XV–конца XVI в. и площадки, примыкающей к нему с северо-запада. В результате работ выявлены остатки сооружения, функционировавшего до середины XVI в. и имевшего ряд особенностей в архитектуре и планировке, которые отличают его от более позднего сооружения, исследованного ранее.

Оборонительно-жилой комплекс Надымского городка конца XVI–середины XVII в. реконструируется как фортификационное сооружение размером 35 × 20 м с планировочной структурой, сформированной в виде овала, разделенного на два сегмента центральным проходом шириной 1 м. Каждый из сегментов был разделен на сектора (жилые кварталы) перегородками, расположенными перпендикулярно центральной улице. Такое разграничение внутреннего пространства каждого сегмента позволяет охарактеризовать общую планировку жилого комплекса городка как уличную. Наличие в застройке северного и южного сегментов жилых построек, обращенных друг к другу выходами, позволяет рассматривать ее как зеркально-симметричную. В течение времени планировка и архитектура застройки сегментов изменялись. Неизменными оставались контуры внешних конструкций и основной оси и принцип зеркальности.

Исследования 1998–2005 гг. Надымского городка позволили выделить два основных этапа его развития. Первый этап — с конца XVI по середину XVII в. — «предпоследний», и второй этап — с середины XVII по первую треть XVIII в. — «последний». Вероятно, выделенные этапы в определенной степени отражают геополитические изменения, происходившие на территории Северо-Западной Сибири, в частности — начало в последней четверти XVI в. активной «русской колонизации Сибири» — официальной экспансии с целью фактического присоединения «земель Сибирских» к государству Московскому. Этот процесс не только сопровождался приходом русскоязычного населения с новыми культурными традициями, но и влиял на миграции в среде аборигенных жителей. Появление иноэтничного

населения так или иначе влияло на архитектуру поселений коренных жителей и отражалось в материальной культуре.

В начале «предпоследнего» этапа — в конце XVI в. функционировала двухквартальная структура городка (рис. 2). Площадь «самоедских» (южных) кварталов № V и VI составляет примерно 10 × 15 м. Кварталы состояли из больших домов каркасно-столбовой конструкции размером 8 × 10 м, с центральным очагом и наружной галереей. Постройки с такой или близкой архитектурной традицией известны на территории Северо-Западной Сибири по археологическим данным как минимум с середины I тыс. н. э. (Федорова и др., 1991. С. 126–145; Зыков и др., 1994. С. 8–42; Чемакин, Карачаров, 2002. С. 44–73). По данным этнографических исследований, в бассейне р. Надым проживало древнесамодийское население — *пяки* (*пяд' хасово*), и некоторые информаторы именно с ними связывают Надымский городок (Кардаш, 2001б; 2008а, б; Мартынова, Кардаш, 2001). Скорее всего, постройки в этих кварталах были сооружены предками данной этнической группы, проживавшими в городке. На принадлежность построек автохтонному и, кроме того, более привилегированному населению указывает расположение домов в наиболее освещенной, теплой, защищенной от северных ветров южной части жилого комплекса.

К северо-западу от «самоедских» кварталов № V и VI располагались «остяцкие» кварталы № I и II, каждый площадью 10 × 20 м. В кварталах размещались по восемь отдельно стоящих построек жилого и хозяйственного назначения размерами не более 2,5 × 3,0 м, а также хранилища (погреба) для пищевых продуктов. При большой схожести материальной культуры всего населения Надымского городка в целом этническая атрибуция жителей этих кварталов не вызывает особых сомнений. Предметы материальной культуры, найденные в пространстве северного и западного кварталов, их архитектура находят больше всего аналогий в хорошо изученной и описанной культуре остяков начала XX в. и современной хантыйской (Дунин-Горкавич, 1995–1996; Сирелиус, 2001; Мартин, 2004; Мартынова, 1998; Лукина, 1985).

Рис. 2. Надымский городок:

А — фрагмент плана северо-западной части оборонительно-жилого комплекса первой половины XVII в.;
Б — фрагмент плана северо-западной части оборонительно-жилого комплекса первой половины XVI в.

Fig. 2. Nadymsky Gorodok:

А — fragment of plan of the north-western section of the defensive and dwelling complex of the first half of the 17th cen.;
Б — fragment of plan of the north-western section of the defensive and dwelling complex of the first half of the 16th cen.

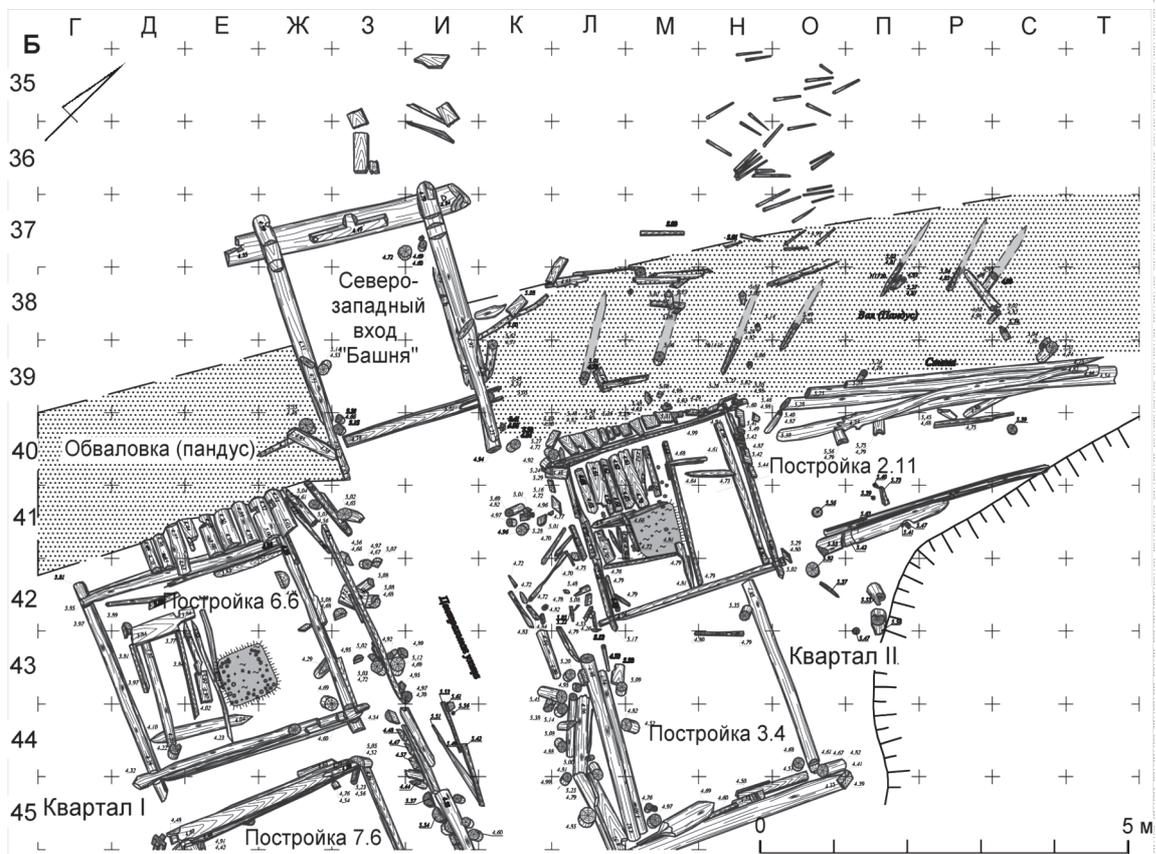
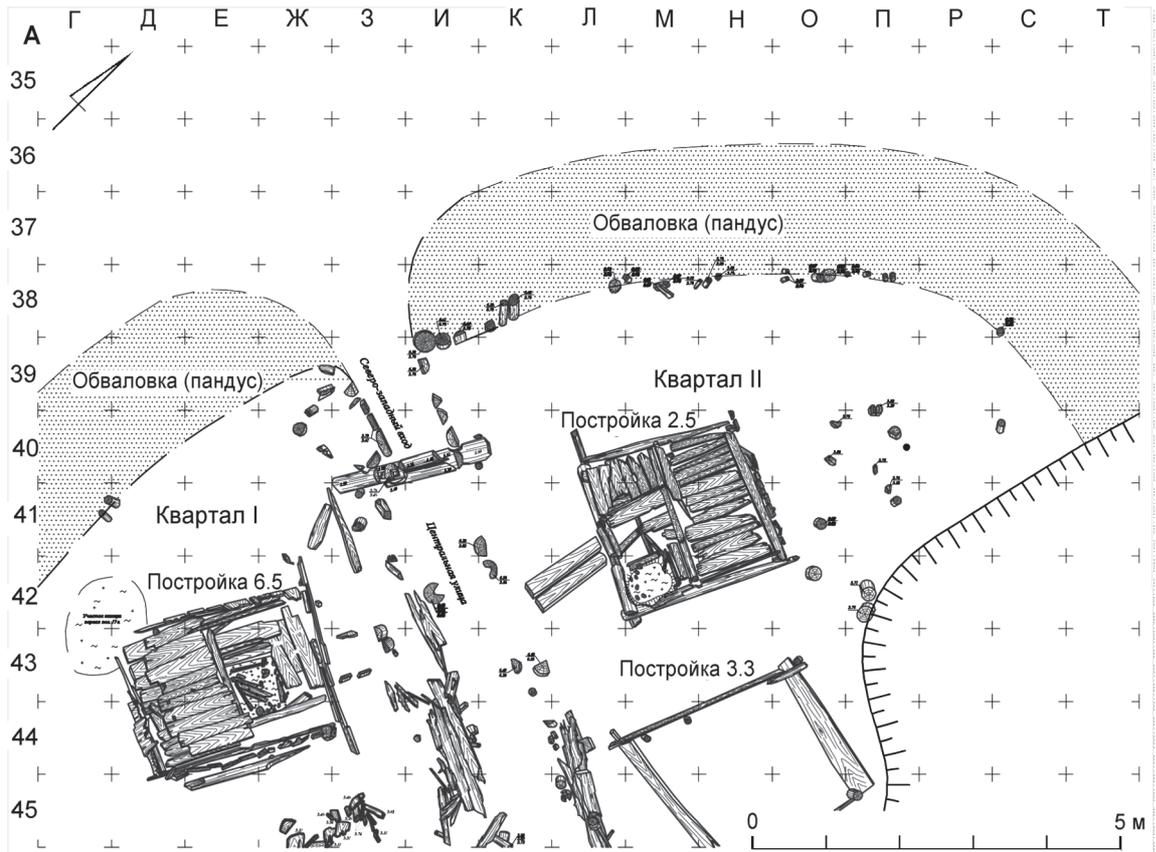




Рис. 3. Надымский городок. Московская денга времени княжения Ивана IV Грозного (1533–1547)

Fig. 3. Nadymsky Gorodok. Moscow *denga* — coin of the rule of Ivan IV the Terrible (1533–1547)

Кроме этого, факт проживания остяков засвидетельствован письменными источниками XVII в. (Обдорский край..., 2004. С. 20–72; Кардаш, 2009).

В последние три года работы были сконцентрированы в северо-западной части городка на территории многофункциональной площадки и «остяцких» кварталов № I и II. Именно в этой части городка сохранились остатки фортификационных сооружений оборонительно-жилого комплекса и общий вход в него, служивший на протяжении всех хронологических периодов. Рассмотрение конструктивных изменений позволяет проследить характер развития архитектуры Надымского городка на разных этапах его существования.

Полученные данные дали возможность выделить ранний строительный этап и уточнить датировку начала предпоследнего этапа реконструкции Надымского городка.² Хронология культурного слоя и строений этого горизонта определена по результатам перекрестного дендрохронологического и радиоуглеродного датирования построек. Время строительства жилых домов № 2 (9-го уровня реконструкции) и № 6 (6-го уровня реконструкции), раскопанных в 2007 г., определено 50-ми гг. XVI в. В 2008 г. в нижележащем слое, который перекрывал окладной венец конструкции северо-западного входа и был синхронен жилому дому № 2 (10-го и 11-го уровней реконструкции), впервые в комплексе находок городка найдена монета. На аверсе монеты сохранилась верхняя часть титульной надписи «князь великий». На реверсе — изображение всадника с мечом. Монета является московской деньгой и датируется време-

² Речь идет о строительстве новых жилищ и сооружений на том же самом месте взамен обветшавших. — О. К.

нем княжения Ивана IV — 1533–1547 гг. (Орешиков, 1896. С. 280–290; Гарост, 2003. С. 21–30; рис. 3). По ряду признаков монета может быть отнесена к дореформенным монетам Ивана IV Грозного, которые чеканились с 1533 по 1535 г. Весь комплекс хронологических данных с учетом времени накопления культурного слоя и периодов функционирования построек позволяет определить дату предпоследнего этапа реконструкции городка в интервале между 1530–1540 и 1550–1560 гг.

Следует отметить ряд особенностей оборонительно-жилого комплекса городка, появившихся с этого времени и не изменявшихся на протяжении всего предпоследнего и последнего этапов строительства, которые важны для последующего сравнительного анализа. Первая особенность — это неопределенная (нечеткая) в плане форма, напоминающая овал или вытянутый шестиугольник. Второй важной чертой можно назвать каркасную конструкцию стен, состоявшую из вертикально вмороженных в грунт тонких бревен и плах. На разных участках плотность прогонов была разной. Коридор, ведущий внутрь пространства сооружения к общему северо-западному входу, и прилегающая наружная часть стены были укреплены сплошным тыном. Остальная часть стены набиралась из удаленных друг от друга столбов разного диаметра, пространство между которыми заполнялось жердями или ветками. Дополнительно снаружи стеновой конструкции была сделана насыпь из культурного слоя, имевшая в основании бессистемный каркас из веток и жердей. Третьей значимой чертой является конструкция и размеры общего входа. Его проеомобразующие конструкции располагались внутри периметра наружной стены, имели дверной проем шириной до 0,6 м, за которым следовал тамбур и далее центральный проход шириной до 1,0 м.

Архитектура Надымского городка до 1530 г. значительно отличается от предпоследнего и последнего этапов по всем трем вышеописанным конструктивным особенностям. В связи с этим и был выделен строительный этап, который предварительно может быть датирован серединой XV–началом XVI в. Нижняя дата данного этапа условно определяется максимально возможным интервалом функционирования деревянного сооружения до времени его обветшания в соответствующих природных условиях.

Одно из отличий — форма городка в плане. При почти неизменном размере форма оборонительно-жилого комплекса на раннем этапе была прямоугольной. Иной была и конструкция стен.

Судя по обнаруженным остаткам, в середине XV—начале XVI в. стены были наборные. Между вертикально установленными столбами набирались горизонтально лежащие бревна. Такая стена совмещалась с фасадами построек, примыкавших к наружной стене. Их собственные стены сложены из плах и брусьев в «охряпку». Перед ограждающей стеновой конструкцией зафиксированы вмороженные в грунт под углом около 45° к напольной стороне тонкие бревна и жерди. Они находились на расстоянии 1,0 м от стены, на удалении друг от друга также около 1,0 м и, очевидно, являются остатками оборонительных «рогатов». С наружной стороны вся стеновая конструкция, скорее всего, была засыпана грунтом, из которого торчали только заостренные колья.

Вместо северо-западного общего входа в сооружение за периметром ограждающей стены были обнаружены остатки срубной постройки, которая за монументальность конструкции получила название «проходной башни» (рис. 4). Эта постройка, очевидно, выполняла функции предвходового тамбура (своего рода захаба). Сооружение имело прямоугольную в плане форму с внутренними размерами помещения 2,5 × 2,0 м. Судя

по всему, надежности конструкций входа придавалось большое значение, поскольку все детали строения выполнены из массивных бревен. Окладной венец сложен из бревен диаметром 30–40 см. В наружном венце диаметром 40 см зафиксирован порог шириной 1,0 м для шарнирной двери. Нижняя чаша под дверной шарнир находится с правой стороны от входа, что говорит об открывании двери направо вовнутрь помещения. За пространством постройки начинался центральный проход шириной 2,0 м. Таким образом, северо-западный общий вход на период до 1530 г. реконструируется как бревенчатое сооружение, срубленное «в обло с остатком», с дверным проемом шириной 1,0 м. Датировать его строительство без дендрохронологического анализа сложно, но предварительно можно определить в интервале середина—конец XV в.

На основе трех основных признаков изначальный оборонительно-жилой комплекс Надымского городка реконструируется как прямоугольное в плане сооружение с двумя входными срубными постройками-«башнями». Оборонительная стеновая конструкция сооружения была дополнительно укреплена валообразной насыпью с заост-



Рис. 4. Надымский городок. Остатки сооружения конца XV—середины XVI в.

На переднем плане окладной венец северо-западного общественного входа «башни». Вид с северо-запада

Fig. 4. Nadymsky Gorodok. Remains of a building of the late 15th and mid — 16th centuries.

At the foreground a stone corona of the north-western public entrance to the «tower». View from northwest

ренными кольями-«рогатками». Общие принципы такого сооружения находят аналогии в архитектуре русских острогов конца XVI–XVIII вв., известных на территории Северо-Западной Сибири. Примерно так выглядел Юильский Казымский острог и ряд других сибирских крепостей XVII–XVIII вв. (*Крадин*, 1988. С. 62–173). По описанию 1789 г. очень близок к Надымскому городку Обдорский острог: «Обдорский острог на реке Полуи на правом берегу на горе, церковь и крепость четверугольная загорожена стоячим тыном, две проезжие и две на северных углах башни, обнесенный вокруг рогатками...» (Описание Тобольского наместничества, 1982. С. 166).

Кроме внешнего сходства по ряду строительных приемов Надымский городок середины XV–начала XVI в. близок древнерусскому деревянному зодчеству. Одним из первых элементов следует отметить устройство северо-западного входа и конструкции дверей. Конструктивная особенность дверного проема северо-западного входа такая же, как в синхронных строениях и в жилых помещениях более позднего времени. Этот факт особо важен для последующего анализа этнической принадлежности архитектуры Надымского городка.

В настоящее время раскопками исследовалось два городища аборигенного населения региона с замороженным культурным слоем, в котором сохранились жилые дома XIII–XIV вв. Это постройки № 10, 11 Войкарского городка, расположенного в зоне северной тайги на р. Обь в Шурышкарском р-не, и постройки № 1, 2 городища Бухта Находка, находящегося в тундровом ландшафте на полуострове Ямал (*Федорова*, 2006. С. 11–12; *Кардаш*, 2008а, б). При всех различиях в архитектуре Войкарские и Находкинские постройки имеют определенные объединяющие черты. Во-первых, в основе тех и других каркасная конструкция строения, стены которого формируются из вертикально установленных тонких бревен или жердей. Вторая черта — это отсутствие двери, то есть проемообразующая конструкция не предусматривала монтажа какого-либо деревянного дверного полотна. Проем-лаз, скорее всего, закрывался выделанной шкурой, обеспечивавшей беспрепятственный проход в любую сторону, как из помещения, так и в помещение. В итоге можно заключить, что аборигенное население северотаежных и субарктических районов Северо-Западной Сибири до XV в. при возведении срубных построек не делало специальных дверных конструкций.

Эти факты являются ключевыми в понимании формирования архитектуры Надымского городка,

где все жилые постройки уже с начала XVI в. выполнены в срубной технике и снабжены шарнирными дверями. Правда, зачастую дома выполнены из грубого бруса и плах в «охряпку», иногда в совмещенной технике с рубкой «в обло» из бревен. В одном случае постройка № 7 срублена в технике заплота. Тем не менее везде вход в пространство жилого помещения построек закрывался дверными полотнами, выполненными из досок, скрепленных шпонками (снаврами). Двери монтировались в проем на боковых шарнирах и открывались только вовнутрь. Все эти технологические приемы домостроения хорошо известны в русском деревянном зодчестве (*Маковецкий*, 1955; *Ополовников*, 1983; 1989).

Таким образом, формируется ряд археологических фактов, позволяющих поставить вопросы о причинах и времени появления русских домостроительных традиций в архитектуре Надымского городка середины XV–начала XVI в., а также заимствований и использования этих традиций аборигенным населением городка — остяками и самоедами в последующие столетия.

В вещевом комплексе конца XV–середины XVI в., как и в более позднем, имеется достаточно много импортных предметов. Значительную часть привозных вещей мы небесспорно, но тем не менее в первую очередь связываем с русским происхождением. Среди этих товаров: сукно и одежда из цветного сукна (зеленого, красного, коричневого, желтого), выделанная телячья кожа и обувь из телячьей кожи (коты), голубые бусы (голландские?), медные котлы, железные крицы и ряд изделий из железа. С конца XVI по первую треть XVIII в. этот перечень не остается неизменным, но значительно расширяется. Совершенно очевидно, что со второй половины XV в. между аборигенным населением бассейна р. Надым в лице жителей Надымского городка и русскими торговцами существовали прочные и постоянные торгово-меновые отношения. Каким образом и где происходил торг, пока остается достоверно не известным. Пребывание русских купцов в городке позднее середины XVI в. археологически не зафиксировано. Это позволяет предполагать, что в XVII–XVIII вв. торгово-меновые операции происходили далеко за пределами данного населенного пункта.

По нашему мнению, характерные русские домостроительные приемы и традиции в архитектуре Надымского городка не могли опосредованно появиться на территории Северо-Западной Сибири и осваиваться аборигенным населением. Для

второй половины XV—первой половины XVI в. очевидно посещение Надымского городка русскими первопроходцами или, как минимум, людьми, тесно связанными с русской культурой.

Этот хронологический период хорошо известен в истории Московского государства как время активизации продвижения на северо-восточные территории. В 1465 г. военный отряд под руководством устюжанина Василия Скрябы был послан великим князем Иваном III «Югорскую землю воевати» (ПСРЛ, 1982. С. 91). Немногим позже в 1472 г. московские воеводы князь Федор Пестрый Стародубский и Гаврила Нелидов направлены покорять Пермь Великую (ПСРЛ, 1965. С. 147).

Через несколько лет неоднократные разорительные набеги пелымских вогулов на колонизированные восточные провинции стали поводом для организации Москвой в 1483 г. большой военной экспедиции «на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку» под руководством воеводы Ивана Салтык Травина и князя Федора Курбского Черного (ПСРЛ, 1982. С. 95). Кроме собственно московских служилых людей в походе участвовали и другие подданные Московского государства: вологжане, устюжане, вычегжане, вымичи, сысоличи и пермяки. Этот поход оказался наиболее результативным. После него в 1484 г. в Усть-Выме между Москвой, восточными московскими провинциями и югорскими князьями был официально заключен и документально зафиксирован мир. После этого акта великий князь Иван III дополнил свой титул наименованием «великий князь Югорский». Хотелось бы подчеркнуть, что именно в этой документальной записи о мире впервые появляется термин «Обдор» и «обдорцы».

Из зырянского языка понятие Обдор (Обдория) означает место (местность) возле устья р. Обь (Дмитриев, 1991. С. 14). Это обстоятельство следует отметить особо, поскольку географически место впадения р. Обь в Обскую губу (залив Карского моря) находится в 30 км на северо-запад от Надымского городка. Там и находится одно из самых известных с древности и особо почитаемых святых мест коренных жителей — Святой Мыс — Хэбидя сале (Поляков, 2005. С. 117–119; Дмитриев-Садовников, 1918. С. 41). Не исключено, что в числе обдорцев, заключавших Усть-Вымский мир, могли быть и представители из Надымского городка.

Несмотря на успехи второго Югорского похода 1483 г. и мирный Усть-Вымский договор 1484 г.,

вероятно, административно-политическая ситуация с Югорской провинцией не была стабильной, что потребовало ее разрешения путем организации в 1499 г. третьего Югорского похода войск Московского государства. Этой военной экспедицией, в состав которой входило более чем 4000 ополченцев, руководили князья Петр Ушатый и Семен Курбский (сын Федора Черного) (ПСРЛ, 1982. С. 98). Важным итогом этого похода стало пленение и подтверждение покорности Москве многих вогульских и югорских вождей, а также прибавление к титулу великого князя Ивана III нового звания «князь Обдорский и Кондинский».

По мнению некоторых исследователей XIX в., в частности Н. А. Абрамова и А. А. Дмитриева, именно во время похода 1499–1500 гг. московские воеводы князья С. Ф. Курбский и П. Ф. Ушатый основали русские крепости на месте семи вогульских и югорских городков, одним из которых считался Обдорский (Абрамов, 1857. С. 362; Дмитриев, 1991. С. 21). Правда, следует заметить, что эта точка зрения критиковалась современными исследователями за необоснованность (Шашков, 2000. С. 97–98).

Все же по данным письменных источников известно, что маршрут последнего похода проходил в низовьях р. Обь. Косвенным свидетельством того, что отдельные отряды во время третьего Югорского похода 1499–1500 гг. могли доходить до географического устья р. Обь и, соответственно, р. Надым, является упоминание последней в «Записках о Московии» австрийского имперского посла барона Сигизмунда фон Герберштейна, который составлял описание «Пути к Печере, Югре и до самой реки Оби», опираясь на сведения, полученные прежде всего от князя Семена Курбского (Герберштейн, 1988. С. 160–161). В качестве самого крайнего, расположенного в районе устья р. Обь, отправного населенного пункта Герберштейном упоминается некая Обская крепость (Там же. С. 157). Ряд исследователей, в частности А. Т. Шашков, идентифицирует ее со столицей Обдорского княжества, располагавшейся в районе устья р. Полуй (правый приток р. Обь) (Шашков, 2000. С. 102).

Весь круг источников археологических и письменных в совокупности с мнениями различных исследователей позволяет нам выдвинуть собственный вариант развития исторических событий, связанных с третьим Югорским походом и Надымским городком на рубеже XV–XVI вв. Вероятно, не закрепленные военным присутствием Усть-Вымские договоренности о мире и выплате

великому московскому князю дани мехами перестали выполняться значительной частью вогульских и югорских князей. Такое обстоятельство могло послужить поводом для военной операции не просто с целью устрашения и возобновления даннических отношений югорских князей, но и фактического закрепления этого статуса путем строительства опорных крепостей, в том числе для контроля за торговлей. Возможно, именно поэтому был снаряжен и направлен столь большой отряд (более 4000 человек), который, скорее всего, весной 1500 г. не весь вернулся на Русь. Кстати, в источниках говорится о возвращении князей С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого со своими ратями, но не упоминаются возможные потери среди участников военной экспедиции (ПСРЛ, 1982. С. 98).

Принимая во внимание вышеприведенные данные, вполне логично предположить, что на месте аборигенного Надымского городка зимой 1499–1500 гг. одним из отрядов третьего Югорского похода был построен небольшой острог, и остатки именно его строений (стены и «башня») были обнаружены при раскопках 2008 г. Не исключено, что это его назвал Обской крепостью С. Герберштейн. Возможно, именно этот населенный пункт и был в то время центром Обдории, резиденцией обдорских князей. Не исключено, что этот пункт упоминается в письме четырех русских промышленников-поморов, нанятых для торговой экспедиции на Обь в 1584 г. Их письмо было адресовано находившемуся в Москве служащему английской торговой компании Антону Маршу. Промышленники описывали путь через «Камень» (горы Северного Урала) и назвали последний из пяти городков, расположенных в низовьях Оби: «Надежная (Nadesneaa), то есть крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю» (Алексеев, 1932. С. 187). Возможно, что А. Марш прочитал в письме русифицированное название городка Надымский — Надежный, хотя таким эпитетом мог именоваться городок, сохранивший свой статус по праву нахождения на его месте русского острожка, выполнявшего функции охраны порядка для приезжающих промышленников и торговцев. В любом случае идентификация Надымского городка с самым крайним, в низовьях Оби, пунктом на пути в Мангазею — крепостью «Надежная» подерживается современными исследователями (Шашков, 2000. С. 107).

Вместе с тем существует еще один факт, который следует привести в контексте наших постро-

ений. Судя по зафиксированной в результате археологических исследований стратиграфии нижней, еще не раскопанной части культурного слоя, мощность отложений, содержащих срубные строения, составляет от 0,7 до 1,1 м. Такой слой даже при большой интенсивности формирования вряд ли мог сложиться за период менее чем 50 лет. По крайней мере, мощность культурного слоя Мангазейского городища, активно развивавшегося ограниченный период с 1601 по 1660–1670-е гг., составляет 0,5–1,0 м (Визгалов, Пархимович, 2008. С. 152–153; Приложение: Карты и чертежи, л. 11). Если наше предположение верно, то самые первые русские строения Надымского городка могли появиться ранее, предположительно в 1483–1484 гг.

Таким образом, исследования Надымского городка в 2008 г. позволили получить новые археологические данные, являющиеся важным источником для реконструкции исторических событий раннего и позднего периодов колонизации Сибири при отсутствии достаточного количества письменных материалов для этого времени.

Абрамов, 1857 — Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки РГО. СПб., 1857. Кн. 12.

Алексеев, 1932 — Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск. Т. 1, ч. 1 (XIII–XVII вв.).

Вершинин, 2005 — Вершинин Е. В. Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования): К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа. Екатеринбург, 2005.

Визгалов, Пархимович, 2008 — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург, 2008.

Гарост, 2003 — Гарост С. А. Справочное пособие русских монет с 1462 г. по 1717 г. Минск, 2003.

Герберштейн, 1988 — Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. Б. Назаренко. М., 1988.

Дмитриев, 1991 — Дмитриев А. А. История Угорских княжеств // Уральский областник. Екатеринбург, 1991.

Дмитриев-Садовников, 1917, 1918 — Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1917. Вып. 28; 1918. Вып. 29.

Дунин-Горкавич, 1995–1996 — Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995–1996. Т. 1–3.

Зыков и др., 1994 — Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

Кардаш, 2000 — Кардаш О. В. Надымский городок и русское освоение Северо-Западной Сибири в XVII в. (по материалам археологических исследований) // Культурное насле-

- дие народов Западной Сибири: Русские: Тез. докл. III Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2000.
- Кардаш*, 2001a — *Кардаш О. В.* Материальная культура населения низовой реки Надым в XVII—начале XVIII вв. (по материалам археологических исследований Надымского городища) // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001.
- Кардаш*, 2001b — *Кардаш О. В.* Археологические исследования // Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. Нефтеюганск, 2001. Т. 1, 2.
- Кардаш*, 2002 — *Кардаш О. В.* Материальная культура остяков Надымского городка // Северный археологический конгресс (9–14 сентября 2002 г., Ханты-Мансийск): Тез. докл. Екатеринбург, 2002.
- Кардаш*, 2003 — *Кардаш О. В.* Эволюция элементов традиционного жилища народов Севера (по материалам археологических исследований поселений XVI–XIX вв.) // Угры: Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 2003.
- Кардаш*, 2004 — *Кардаш О. В.* Комплексные исследования Надымского городища // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2.
- Кардаш*, 2005 — *Кардаш О. В.* Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998–2003 годов // Научный вестник. Салехард, 2005. Вып. № 4 (35): Обдорья: История, культура, современность.
- Кардаш*, 2006 — *Кардаш О. В.* Административные центры аборигенных «княжеств» Северо-Западной Сибири в конце XVI—первой трети XVIII вв. (по материалам раскопок Надымского и Обдорского городков) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2006. № 13.
- Кардаш*, 2008a — *Кардаш О. В.* Отчет о НИР: Комплексное изучение городища Бухта Находка в 2007 году. Нефтеюганск, 2008.
- Кардаш*, 2008b — *Кардаш О. В.* Оборонительно-жилые комплексы аборигенного населения субарктических районов Западной Сибири (по материалам комплексного изучения укрепленных поселений XIV–XVII вв.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 2.
- Кардаш*, 2009 — *Кардаш О. В.* Надымский городок. История и материальная культура конца XVI—первой трети XVIII вв. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.
- Косинцев*, 2006 — *Косинцев П. А.* Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники. Екатеринбург; Салехард, 2006.
- Крадин*, 1988 — *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
- Лукина*, 1985 — *Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск, 1985.
- Маковецкий*, 1955 — *Маковецкий И. В.* Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955.
- Мартин*, 2004 — *Мартин Ф. Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут, 2004.
- Мартынова*, 1998 — *Мартынова Е. П.* Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
- Мартынова*, *Кардаш*, 2001 — *Мартынова Е. П., Кардаш О. В.* Этнологические исследования // Отчет о НИР: Комплексное изучение Надымского городища летом 2000 года. Нефтеюганск, 2001. Т. 6.
- Обдорский край..., 2004 — Обдорский край и Мангазея в XVII в.: Сб. документов. Екатеринбург, 2004.
- Описание Тобольского наместничества, 1982 — Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982.
- Ополовников*, 1983 — *Ополовников А. В.* Русское деревянное зодчество: Гражданское зодчество. М., 1983.
- Ополовников*, 1989 — *Ополовников А. В.* Сокровища Русского Севера. М., 1989.
- Орешников*, 1896 — *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года (с дополнениями 1901 г.) // Императорский Российский исторический музей им. Имп. Александра II: Описание памятников. М., 1896. Вып. 1.
- Поляков*, 2005 — *Поляков И. С.* Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Императорской Академии наук: Приложение к XXX-му тому Записок Имп. Академии наук; № 2. Тюмень, 2005.
- ПСРЛ, 1965, 1982 — ПСРЛ (Полное собрание русских летописей). Т. 12: Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1901 (фототипическое переизд.: М., 1965); Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. / Сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина. Л., 1982.
- Сирелиус*, 2001 — *Сирелиус У. Т.* Путешествие к хантам. Томск, 2001.
- Федорова*, 2006 — *Федорова Н. В.* Войкарский Городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Научный вестник. Салехард, 2006. Вып. № 4 (41): Научно-практич. конф. «Обдорья: история, культура, современность».
- Федорова и др.*, 1991 — *Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1991.
- Чемякин, Карачаров*, 2002 — *Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
- Шашков*, 2000 — *Шашков А. Т.* Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV—XVI вв. (по русским и иностранным письменным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000.

Nadymsky Gorodok in the 15th and 16th centuries: Results of Field Investigations of 2006–08

O. V. Kardash

The present article is a publication of the first results of interdisciplinary studies of the cultural level of Nadymsky Gorodok (Military Camp of Nadym) dated to the period from the late 15th to the late 16th century. Excavations of 2006–2008 revealed the remains of a structure of rectangular plan with two entrance «towers» built of massive logs as lobbies or outer entrance halls. The defensive wall of the structure was constructed of a horizontal set of logs fixed between vertically installed pillars. Inside, the ensemble was constituted by dwelling houses of blockhouse or paling type construction. The houses were provided with swivel doors. The general principles of this structure have parallels among the architecture of Russian stockade settlements of the late 16th to 18th century throughout North-Western Siberia.

The latter fact suggests that, in the second half of the 15th and first half of the 16th century, among the builders of Nadymsky Gorodok there were Russian pioneers or

people closely related with Russian culture. In the opinion of a number of researchers, during the campaign of 1499–1500, Moscow voivodes princes S.F. Kurbskiy and P.F. Ushatyi founded Russian fortresses, among which supposedly was Obdorsky Gorodok, at the sites of seven Vogulian and Yugorian military camps.

Taking in consideration the above facts, it is quite plausible that one of the detachments of the third Ygor Raid founded a small stockade fort (*ostrog*) and exactly the remains of this structure (the walls and the «tower») have been revealed during the excavations of 2006–2008. It is possible also that exactly this fort was called the «Obskaya Fortress» by Sigmund Herberstein. The archaeological evidence obtained suggests that the remains of Nadymsky Gorodok are an important source for studies and understanding of the history of the early and later periods of colonisation of Siberia for which so far no satisfactory number of written documents are available.